

Дейенерис наблюдала, как Джон сражается с сиром Джорахом, и размышляла.

Они были всего в дне пути от Браавоса. Количество кораблей в этом районе значительно увеличилось, но ни один из них еще не побеспокоил их. Она знала, что шансы на пиратство уменьшаются по мере приближения к городу.

Браавос ни в малейшей степени не терпел пиратства. Быть домом для Железного банка означало, что воровство сурово наказывалось. Она задавалась вопросом, понесли ли правосудие слуги, которые украли их монету после смерти сира Виллема.

Трудно было поверить, что прошло почти три месяца с тех пор, как Джон прибыл в Пентос, чтобы найти ее. Это было похоже на много веков назад. Они были в море уже два месяца.

Чики подтвердил, что Дореа беременна. Потомок ее брата Визериса. Его семя пустило корни в ее животе почти сразу после того, как Джон и Фростфайр явились им. Боги, он мог даже оживить ее матку в ту первую ночь, которую Джон провел в особняке Иллирио.

У мужчин Таргариенов, как знала Дейенерис, было меньше проблем с фертильностью, чем у женщин.

Дореа держала личность отца в секрете, как они просили ее ради безопасности самой Дореи и ее будущего ребенка. Если бы среди них все еще был шпион, сообщающий Малому совету Роберта, в новостях были бы убийцы, преследующие мать, чтобы убить ребенка.

Ей было противно, что мужчины были готовы убить беременную женщину только для того, чтобы убить родословную, которая им не нравилась. Она знала, что однажды она может столкнуться с такой судьбой. Если бы она когда-нибудь зачала ребенка, ярость Роберта была бы ужасна.

Джон, вероятно, тоже сойдет с ума от беспокойства. Она бы не удивилась, если бы он привязал ее к Фростфайру и отправил на другой конец континента.

Ее губы на мгновение приподнялись при этой мысли. Она, конечно, думала далеко вперед, но не могла представить себе другого мужчину, который был бы ее мужем — отцом ее детей. Учитывая то, через что они прошли вместе за эти годы, между Драконьими снами и его приходом ей на помощь... ну, был ли вообще возможен лучший выбор?

Их отношения не были проблемой. Тетя и племянник были ручным браком по стандартам Таргариенов, и даже Старки в прошлом женили дядю на племяннице. Джон ясно дал понять, что это его совсем не беспокоило — об этом свидетельствовало его стремление ответить на ее привязанность.

Что ж, она попыталась унять румянец на лице, когда вспомнила некоторые из их ночных выходок. Мысли в другой раз.

Джон закончил спарринг с Джорахом, тяжело дыша от жары, и отступил. Они почти сравняли счет, но Джорах выиграл схватку, нанеся на один удар больше, чем молодой Таргариен.

Джорах воспользовался моментом, чтобы выпить с Джоном воды, а затем вернулся на середину палубы, неся с собой два боевых меча, один из которых не нашел особого применения. — Принцесса, ты готова?

Дени кивнула и присоединилась к нему.

Это был нарастающий порыв, побуждение в ее крови, когда драконий огонь, который Визерис почти погасил, медленно возродился в ней. Она была свободна от своих оков. Расправив крылья, которые атрофировались и теперь тосковали по небу, которое принадлежало ей по праву рождения.

И когда она узнала, что Дореа беременна, дракон внутри нее потребовал, чтобы она сделала что-то, чтобы внести свой вклад в защиту своей подруги.

Поэтому она попросила сира Джораха научить ее драться.

Он лишь приподнял бровь, взглянув на суровое выражение ее лица, прежде чем согласился. Что бы он ни видел в ней, он благородно не задавался вопросом.

Джон откровенно поощрял это. Когда она поделилась с ним этой идеей, его глаза заблестели, а губы ожесточенно улыбнулись.

Он даже не выглядел удивленным.

У Дэни не было иллюзий, что это будет легко. Она никогда в жизни не держала в руках оружия, в отличие от Джона и Джораха, которые годами владели клинками, а последний — десятилетиями. Но она не останется принцессой, которую должен спасти Король Драконов всякий раз, когда ее настигают неприятности.

Она была драконом, и она будет сражаться, как дракон.

Джорак протянул ей боевой меч, и она моргнула от того, насколько он легкий. Она нахмурилась. «Это не так тяжело, как я думал».

— Он не должен быть тяжелым, — признал Джорак. «Этот не утяжелен. Те, что мы с королем Эйгоном используем, утяжелены, чтобы имитировать настоящие мечи. Я считаю, что было бы разумнее сначала научить вас движениям, прежде чем я дам вам тяжелое оружие — так вы не будете размахивать вокруг так же небрежно».

— Я могу быть осторожен, сир Джорак.

— Я верю вам, принцесса, — терпеливо ответил он. «Но это приучит твое тело к фехтованию. Тем временем мы также можем поработать над твоей силой, чтобы ты был готов использовать настоящее оружие, когда придет время».

Затем она расслабилась, заверив, что с ней не балуются. Дэни надела на уроки бриджи и легкую тунику — уж точно она не собиралась драться в платье, если ей это сойдет с рук, это уж точно.

— Начнем с осанки, — сказал ей Джорак. Он подошел к ней, и она восхищенно посмотрела на него. Он продемонстрировал ей простую боевую стойку со своим тренировочным мечом, которую она попыталась скопировать.

«Согните немного локти», — тренировал он. «Не стой так прямо. Ты хочешь иметь возможность двигаться быстро — твое телосложение похоже на телосложение Короля в этом аспекте. Вы оба созданы для скорости. Вы не сможете одолеть большинство врагов грубой силой, как я иногда делаю. Это может стать возможным, когда вы станете старше, но сейчас вы хотите быть достаточно гибким и быстрым, чтобы танцевать вокруг своих врагов».

Дэни вздохнула, изучая его позу и меняя свою, пытаясь соответствовать ему. Джорах подошел ближе, чтобы помочь ей принять правильную стойку.

Джон с интересом наблюдал за ними, но она была сосредоточена на уроках. Она не позволяла любовнику отвлекать себя — это было важно.

Однажды она будет сражаться рядом с ним, а он рядом с ней.

«Вот оно», — похвалил Джорах, когда она наконец приняла позу. «Со временем это станет для вас более естественным. Движения закрепятся, когда вы узнаете больше».

Он отошел и принял ее позу. «Сейчас мы начнем с...»

Дени смотрела и училась.

Все болело.

Дени упала на деревянную палубу, когда они закончили, задыхаясь и вспотев, как никогда раньше. Мышцы болели, болели так, как она и не подозревала.

После ее первых уроков фехтования Джорах подверг ее ряду физических упражнений, чтобы улучшить ее силу и выносливость. Дейенерис не потребовалось много времени, чтобы понять, как далеко ей предстоит зайти — раньше ей никогда не приходилось так напрягаться.

И хотя да, она определенно просила об этом и не уйдет сейчас, она все еще хотела бросить свой боевой меч в старого медведя... пока ей не стало лучше.

— Не сиди на месте, — подошел Джон и наклонился над ней, протягивая руку. «Погуляйте немного или продолжайте стоять, по крайней мере, пока не восстановите дыхание. Если вы не дадите мышцам остыть как следует, они сведутся судорогами. Позже станет еще хуже».

"Поверю тебе на слово", простионала Дени, принимая его руку и позволяя Джону поднять ее на ноги. Она осторожно прошлась по палубе, все еще вздымая грудь.

Он ободряюще улыбнулся. «Дайте этому время. Поначалу всегда тяжело».

Она подошла к краю перил и оперлась на них, глядя на море. Джон присоединился к ней, предложив ей бурдюк с водой, чтобы она отхлебнула между вдохами.

Через несколько минут, в течение которых она отдышалась и почувствовала заметно меньшую боль, она мельком взглянула на свою спутницу. — Фростфайр поблизости?

Оба они каким-то образом были связаны с драконом, но связь Дени с Фростфайром была непрочной и слабой по сравнению с связью с ее Всадником. Джон чувствовал Фростфайр где угодно.

Дени не чувствовала присутствия Фростфайра уже больше недели. Дракон бродил по побережью Эссоси, пролетев приличное расстояние вглубь суши, чтобы осмотреть территорию, пока они плыли. За последние месяцы она пару раз облетала лодку, иногда ныряя под волны, чтобы порыбачить, прежде чем снова взлететь.

Но она никогда не оставалась надолго. Дейенерис чувствовала неустанную потребность Фростфайра исследовать эти незнакомые земли. Хотя она время от времени проверяла путешествие своего Наездника, ей хотелось летать.

Фростфайр не откажут в свободе, хотя у Джона не было никакого желания ее ограничивать.

Она наблюдала, как он на некоторое время закрыл глаза, нащупывая своего дракона через их связь. «Она... ближе, чем была в последнее время, но все еще далеко. Где-то на юго-востоке. Думаю, она все еще бродит по горам».

"Это хорошо прямо сейчас, не так ли?"

«Мы стараемся быть осторожными, когда добираемся до Браавоса. Так что да, это хорошо».

"Ты скучаешь по ней."

— Она моя сестра, — просто пробормотал Джон.

Дэни потянулась к его руке и переплела их пальцы. Им обоим было жарко и потно, но она не возражала.

— Ты не казался удивленным, когда я это предложила, — сказала она через некоторое время. «Я учусь драться».

"Я не", признался он, ухмыляясь ей. «В тебе есть свирепый дракон, Дэни. Тебе идет».

— Хм, — промычала она. — Что ж, раз уж мы — единственные оставшиеся два Таргариена, нам придется довольствоваться только Эйгоном и Висенией, ваша милость. Рейни для нас нет.

Глаза Джона сверкнули озорством, и он наклонился ближе, шепча ей на ухо. Его голос послал дрожь по ее спине. «Ни один из них не мог сравниться с тобой, Дейенерис. Ты красивее Рейнис, и однажды ты станешь такой же опасной, как Висенья».

«Ложись, мальчик», — она легонько толкнула его в голую грудь, щеки пылали румянцем. Он нахально улыбнулся ей, но она знала, что комплимент был искренним. Ее взгляд скользнул по его лицу к тонкому шраму на левой щеке, прямо под глазом — напоминание о дотракийской стреле, которая чуть не убила его.

— Итак, Браавос, — через мгновение сказал Джон. — Ты ведь помнишь, где был твой дом?

«Как только я попаду в этот район, я знаю, что запомню его», — согласилась она. «Мы с Визерисом годами бродили по улицам. Это было... тяжело. Помню, почти каждую ночь я засыпал голодным. Но я хорошо помню город. Мне пришлось быстро его выучить».

Джон успокаивающе сжал ее руку. Она больше никогда не окажется в такой ситуации.

«Я бы хотела, чтобы мы могли остаться там на некоторое время», — призналась она. «Но я знаю, что мы можем несколько раз поменяться местами. Сначала мы будем жить на юго-западных островах. Он изолирован от большинства храмов, но близко к реке Суитуотер. Нам это понадобится. тоже близко. Нам нужно будет купить небольшую лодку».

— Хорошо, что Иллирио и Магистры сделали нас прилично богатыми, — задумчиво прокомментировал Джон. Она хмыкнула в знак согласия. «Все должно быть в порядке. Мы не останемся здесь навсегда, но если нам удастся спрятаться там, пока Дорей не родит...»

«У нас есть планы, Эйгон. Мы говорили об этом уже много раз. Если ситуация станет сложной, мы прибежем к другим нашим вариантам».

«Я знаю. Прости меня — я... все еще приспосабливаюсь к этому образу жизни. Прятаться на Севере было легко. Все защищали меня, или я был за Стеной».

Она прислонилась к нему, надеясь хоть как-то успокоить его. Он повернул голову, чтобы поцеловать ее в висок в ответ.

Не намного больше сейчас.

Аллисер Торн склонил голову перед лордом-командующим и, выходя из кабинета Мормонта, взял с собой сообщение, которое они отправили вместе с ним.

Замок Блэк был обычным, удручающим — холоднее ада, унылым и полным ветеранов с угрюмыми лицами. Или бредовые, оптимистичные новобранцы.

Они бы быстро научились. Он уже был готов бросить мальчика Тарли в Эймона и покончить с ним. Было болезненно очевидно, что крупный молодой человек не собирался преуспевать в качестве воина. Торн уже видел подобное раньше.

Но в данный момент он посещал мастера совсем с другой целью.

Он постучал в дверь старика, и его позвали войти. Торн сделал это быстро, стараясь, чтобы в комнате не было слишком много снега.

— Как дела, сир Аллисер? — спросил Эймон, сидя за своим маленьким столиком.

— Достаточно хорошо, — хрипло ответил он, подходя и садясь напротив древнего Таргариена. «У меня есть новости из столицы о вашей семье».

"Джон?"

— Да, — Торн развернул полученное ими из Королевской Гавани письмо, написанное новым десницей — самим Недом Старком.

«Всадник на драконе, объявивший себя Эйгоном Таргариеном, сыном Рейгара Таргариена и Элии Мартелл, появился в Пентосе. Он присоединился к своим оставшимся родственникам, Визерису и Дейенерис, и стал новым главой дома Таргариенов».

— Он работает быстро, — усмехнулся Эймон.

Торн фыркнул. На это он должен был согласиться.

«Дракон Эйгона большой и проверенный в боях. Он сразился с ордой дотракийских крикунов численностью около десяти тысяч вместе со зверем и победил их. Это было сделано, чтобы помешать Дейенерис Таргариен выйти замуж за дотракийского кхала».

Рыцарь пробормотал проклятие себе под нос. «Этот чертов мальчик».

«Должно быть, он снова видел ее во сне», — размышлял Эймон. «Она бы рассказала ему о своем бедственном положении. Это объясняет, почему он улетел в такой спешке».

«Это было безрассудно. Он не готов сражаться с дотракийцами».

«Его дракон».

— Предположим, я не могу этого оспаривать, — неохотно признал Торн. — Он теперь изгнанник.

Эймон хмыкнул. "Что еще говорится в письме?"

«Мальчик, скорее всего, скоро исчезнет из Пентоса. Скорее всего, он заберет с собой то, что осталось от Дома Таргариенов. дракон. Будь начеку, пока до нас не дойдет новое известие».

«Это заставит весь Вестерос в напряжении, по крайней мере, до тех пор, пока они не узнают его следующий ход», — решил Эймон. "В том, что все?"

— Да, — Торн снова закрыл письмо и вздохнул. «Он вне нашей досягаемости. Никто другой не смог бы научить его так, как мы. Никто не знает ваших знаний о Таргариенах».

«Он многому научился. Возможно, это произошло раньше, чем мы бы предпочли, но он хорошо вырос».

Рыцарь медленно кивнул. «Если повезет, в Эссосе у него будет кто-нибудь, кто научит его фехтованию. По крайней мере, он не будет расслабляться. Он никогда не расслаблялся».

"Нет, у него нет."

«Но все же... из всего, ради чего можно улететь...»

«Любовь — это смерть долга, сир Аллисер», — вздохнул Эймон, его слепые глаза поднялись вверх, когда он откинул голову назад. «Что такое долг перед женской любовью?»

— Из-за этого его могли убить. Все еще могут. Если Визерис не убьет его, в Эссосе есть убийцы Роберта и сотни других способов умереть.

— Верно. Но он преуспел здесь, на Севере, и за Стеной. Он выжил.

— Хм, — хмыкнул Торн.

— Теперь он будет осторожен. Он знает, что должен быть осторожным, — пробормотал Эймон. На его губах появилась улыбка. «Возможно, в нашем следующем сообщении о них мы услышим, что Джон и Дейенерис поженились. Я бы очень хотел, чтобы мой Дом был перекован по их образу».

«Ты плохой сплетник», — усмехнулся Рыцарь, что только рассмешило его спутника.

«Когда ты достигнешь того же возраста, что и я, ты обнаружишь, что тебе все равно, что люди думают о тебе. Думаю, я заслужил право души не чаять в оставшихся в живых из моего Дома. Желать им всего наилучшего».

— Что ж, полагаю, я мог бы выпить за это. В любом случае, я не хочу слышать, что мальчик мертв.

— Что это, сир Аллисер? Вы действительно его любите ?

— Ба! Отъебись, старик, — Торн встал и вышел из комнаты мастера. Эймон позади него усмехнулся, а седой Рыцарь не ухмыльнулся. Он не делал.

Но он мог бы выпить лишнего вечером, чтобы выпить за Джона за то, что он поджарил орду

дотракийцев.

Всего несколько часов назад Джейме впервые в жизни сошел с торгового корабля на берег Эссоса.

Им потребовалось чуть меньше месяца, чтобы добраться до Пентоса. Он и сир Барристан больше не одеты как рыцари Королевской гвардии. Оба они были в темных плащах, но из более тонкого материала и в одежде, более подходящей для более жаркого климата.

По его мнению, чужой город уже был лучше Королевской Гавани — дерьмом в нем не пахло. Во всяком случае, не так, как столица Вестероса.

Был поздний вечер, и, как и было условлено, они помогли торговцу, отправившему их в Пентос, разгрузить его груз. Они ночевали у него дома, с его женой, а утром отправлялись в путь.

Они сели с мужчиной и его женой за скромный ужин в их доме. Это была простая резиденция и не большая, но уютная. Комфортный. Несколько ожерелий и браслетов из ракушек, а также другие поделки аналогичного изготовления хранились в некоторых ящиках.

— Итак, — начала женщина, переводя взгляд с Джейми на Барристана. «Мой муж сказал мне, что вы ищете Короля Драконов?»

— Верно, миледи, — кивнул Барристан. «И остальные Таргариены».

— Мм, — промычала она. — Ну, они уже уехали из города. Месяца два назад, кажется, было. Может, чуть меньше.

— Ты знаешь, куда они пошли?

— Боюсь, что нет, — призналась она. «Вы могли бы расспросить нескольких матросов по побережью. Возможно, кто-то из них знает. Капитан корабля, который они захватили, — один из наших сезонных гостей. Я плохо его знаю».

«Мы хотим встретиться с ними», — сказал ей Хайме. «Чтобы предложить нашу поддержку, если мы можем».

«Ну, если тебе удастся их найти, ты встретишь только двоих».

Он застыл в кресле. "Почему это?"

«Говорят, Король Нищих пытался убить Всадника Дракона», — нахмурилась она. «После всего того, что сделал этот мальчик, чтобы уберечь Пентос от дотракийцев...»

"У него получилось?"

"Нет."

Он искренне вздохнул с облегчением. Джейме не хотел представить, что человек с репутацией Визериса заполучил дракона.

Одного Эйриса Таргариена при жизни было слишком много, спасибо большое.

"Что случилось в конце?" — подсказал торговец, которому любопытен рассказ его жены.

— Говорят, Король Драконов устроил суд над Нищим, — продолжала она. «Очевидно, он был виновен. Мальчик сам обезглавил свою предательскую семью».

Джейме удивленно моргнул. Обычно Король не стал бы пачкать руки подобными вещами. Хотя, как он признал, у Эйгона Таргариена не было палача на побегушках.

Хм. Интересно.

— Ты уже видел поле на юге? — спросила женщина.

«У нас нет. Было темно, когда мы приехали сюда», — признался ее муж.

«Подойди к стенам и взгляни утром», — настаивала она. «Он начинает медленно отрастать, но равнины все еще черны от драконьего огня, и кости усеивают поля. Король Драконов не был мягок с дотракийскими крикунами».

Джейме намеревался сделать именно это, как и Барристан, судя по выражению его лица. Им обоим нужно было своими глазами увидеть, на что способен дракон.

Позже, когда они легли спать, Джейми задумался.

Он лежал на полу, положив голову на рюкзак, и смотрел в потолок. Каждый день он задавался вопросом, было ли правильным решением приехать сюда. Он знал, что его отец и сестра дома будут в бешенстве — и в ярости. Они еще не поняли, куда он делся, но с исчезновением и Барристана они достаточно быстро сложили два и два. Во всяком случае, его отец.

Но как бы он ни сомневался в своем решении покинуть Вестерос, он не мог заставить себя сожалеть об этом.

Джейме просто... ему нужно было их увидеть. Те дни в Красном Замке, когда он служил Безумному Королю, никогда не переставали его преследовать. Он надеялся, возможно, глупо, что встреча с детьми Таргариенов... что? Успокоить его? Покончить с ужасами в его снах?

Чего он вообще хотел?

Ты знаешь, чего хочешь, напомнили ему его мысли. Вы должны знать.

Он медленно моргнул. Сон неуклонно подкрадывался к нему. Какие кошмары будут преследовать его сегодня ночью?

Мрак, наконец. А потом-

"ТЫ ДЕЛАЕШЬ МНЕ БОЛЬНО!"

"Сжечь их всех!"

«Мы поклялись защищать ее!»

"СЖЕЧЬ ИХ ВСЕХ!"

«Не от него».

"СЖИГАЙТЕ ИХ!"

Джон уставился на колосс, нависший над ними.

Титан Браавоса был великим чудом света, которое он никогда не думал увидеть в своей жизни. Это было огромное сооружение — четыреста футов высотой в изголовье, построенное из гранита и бронзы и стоявшее на двух разных островах. Его огромные размеры превосходили его самые смелые мечты.

Даже во Фростфайре не было этой статуи. Но он сомневался, что оно может летать и извергать огонь.

Дейенерис была рада снова увидеть Титана, и он вспомнил, что она выросла, когда колосс всегда был на горизонте. Это был защитник Браавоса, дань уважения людям, построившим этот великий город.

"Разве это не невероятно?" — провозгласила Дени.

«Я знал, что он большой, но я никогда не думал...» Джон замолчал, все еще ошеломленный.

— Рассказать тебе об этом?

"Пожалуйста, сделай."

Она выглядела как раз в своей стихии, удобно опершись на перила, пока они приближались к каменному гиганту. «Титан — хранитель Браавоса. Это и крепость, и маяк. Когда небо темнеет, его глаза освещаются огромными жаровнями пламени, чтобы направлять корабли. А когда корабль приближается, Титан ревет, чтобы предупредить Арсенал Браавос».

"Он ревет?"

«Скоро ты это услышишь», — сказала она ему. «Много, много раз. Возвещая восход и закат, и часы дня, он ревет. Нет ничего похожего на него».

И действительно, когда они приблизились к Титану, Джон услышал ужасный скрежещущий взрыв, заглушивший все остальные звуки поблизости. Этот рев отличался от боевых кличей Фростфайра — голос титана можно было сравнить только с движением горы.

Ему было интересно, как они издают такой звук.

Они прошли под Титаном, между огромными ногами. Джон поднял глаза и понял, что под бронированной юбкой есть убийственные дыры, охраняемые железными прутьями. Он легко мог представить себе в них солдат, атакующих любой вражеский корабль, посмевший угрожать городу.

«Добро пожаловать в Браавос», — сказала ему Дейенерис, широко ухмыляясь. Джон подошел к ней, его глаза светились очарованием.

Их корабль был достаточно мал, чтобы Арсенал Браавоса не стал его обыскивать — никто не хотел делать их особенно известными в городе. С Титана они поплыли на юг вдоль западного края лагуны, к Гавани Рэгмена.

Это был самый бедный, грубый и шумный из портов. Хорошее место, чтобы замаскировать их появление.

План состоял в том, чтобы спать на корабле, пока они не найдут более постоянное жилье. Он

останется в Браавосе по крайней мере на неделю или две, чтобы экипаж мог отдохнуть и пополнить запасы перед следующим рейсом. Капитан сказал Джону, что в следующий раз « Дева прекрасного моря » отправится в Вольный город Лорат.

Это дало им некоторое время, чтобы найти место для проживания на ближайшие месяцы. Если повезет, им посчастливится сделать это незаметно.

Но пока они будут отдыхать. Дело было во второй половине дня — экипаж и пассажиры « Прекрасной морской девицы » спешили ступить на твердую землю, сориентироваться и отдохнуть.

На следующий день Дейенерис повела Джона и сира Джораха на улицы Браавоса с первыми лучами солнца — как только Титан взревел, возвещая о наступлении нового дня.

Боги, но город ничуть не изменился за те годы, что она уехала с Визерисом. Она знала, что это самое близкое к возвращению домой. Она знала каждую улицу, каждый поворот. Лица изменились, но люди почему-то остались прежними.

Она повела их к югу от Гавани Рэгмана, к самому большому и самому южному острову, составлявшему юго-западный угол Браавоса. Как только она оказалась там, трудно было не заметить, как участился ее пульс. Она одновременно надеялась и боялась того, что найдет.

Узнает ли она хотя бы одно место, которое так давно называла домом? Возможно ли, чтобы она снова жила там?

Дени увидела знакомую форму некоторых домов, прислоненных друг к другу, что было обычным делом в Браавосе, и поняла, что нашла нужную улицу. Она глубоко вздохнула.

В ее руку скользнула рука, и она повернула голову. Джон нежно сжал ее, наблюдая за ней темными, торжественными глазами, и наклонил голову в сторону улицы. Она сглотнула и продолжила, таща его за собой.

Она медленно повела их по этой улице, считая дома на своем пути, не смея смотреть вперед из страха перед тем, что она увидит.

Раз два три...

Она молилась каждому богу, которому поклонялись в Браавосе, ибо их было много.

Четыре пять...

...Шесть.

Дэни посмотрела на дом слева от нее.

Перед ней была красная дверь. Лимонное дерево, похоже, нуждающееся в воде, все еще стояло высокое и гордое у окна слева. Дом был немного более обветренным, чем она помнила, но он был здесь.

Она почувствовала, как ее нижняя губа задрожала, когда что-то неопишное образовалось в ее животе. Дейенерис сморгнула слезы и взяла себя в руки. Она еще не знала, будут ли они жить здесь.

Джорах шагнул вперед, чтобы прочитать маленькую табличку на стене дома, рядом с дверью.

«Его можно арендовать. Владелец живет в одном из северных районов города. Это тот самый, принцесса?»

— Если... если цена в пределах разумного, — она сглотнула. Тяжело было произносить эти слова. Ей хотелось просто сказать «да», сказать Рыцарю сделать все, что нужно, чтобы получить дом.

Джон осторожно притянул ее к себе. «Сир Джорах? Не могли бы вы поговорить с владельцем от нашего имени? Думаю, нам с принцессой следует пока вернуться на корабль».

— Если это ваше желание, ваша светлость.

Через некоторое время они вернулись на корабль.

Дени была комком беспокойных нервов, но Джон потащил ее в свою каюту и сел на кровать. Он притянул ее к себе на колени, прижав ее меньшее тело к себе, и крепко обнял ее. Она уткнулась лицом ему в плечо и просто дышала.

Увидев дом, ее сердце болезненно сжалось. Она не знала, как почувствует себя, увидев это снова, хотя и жаждала этого в прошлом, но Дени не ожидала, чтоотреагирует так резко.

Он напевал песню из глубины своего горла, что-то медленное и немного меланхоличное. Дэни закрыла глаза, чтобы сосредоточиться на нем, слушая его сквозь фоновый шум людей снаружи.

"Что это за песня?" — тихо спросила Дэни.

«Это о Дженни из Олдстоунов», — признался он. «Женщина, ради которой принц Дункан Таргариен отказался от Железного трона, потому что он так ее любил. Она... я думаю, она была бы твоей двоюродной бабушкой».

Дейенерис этого не знала. «Визерис никогда не рассказывал мне о ней. Или Дункане. Он, вероятно, не считал их важными, если Дункан выбросил Железный Трон».

— Он бы посчитал их дураками, — согласился Джон.

"Что с ними случилось?"

Джон прижался щекой к ее серебряной голове. Некоторое время он молчал, прежде чем наконец вздохнул.

"Они умерли."

Дэни поджала губы. "Ты умеешь петь?"

"Я могу," ответил он. «Хорош я или нет, это совсем другой вопрос».

Уголок ее рта приподнялся в легкой улыбке. «Не могли бы вы пошутить?»

«Постарайся не смеяться слишком много».

Джон вздохнул, приоткрыл губы и тихо запел. Дженни из Олдстоунов наполняла каюту своей мягкой, тоскливой и меланхоличной мелодией, оживляемой его голосом.

Он не был плохим. Это ее немного удивило — Джон не показался ей человеком, обязательно талантливым в пении. Но с некоторой практикой она чувствовала, что он мог бы стать довольно хорошим.

Песня быстро закончилась — она была не особенно длинной. Дэни не открывала глаза. «Тебе следует больше петь. Было бы хорошо, если бы ты попрактиковался».

«Ммм. Может быть, когда мы будем только вдвоем».

«Мой личный бард, Всадник Ледяного Пламени», — улыбнулась она, когда он усмехнулся в ответ. — Ты споешь еще одну песню?

"Есть предпочтения?"

«Все, что придет вам в голову».

Он сделал паузу на мгновение. "Очень хорошо."

Прошло несколько часов.

Они ели вместе с матросами « Девушки прекрасного моря », которые все еще были на борту, а также с тремя служанками Дени. Насколько могли судить Ирри и Чхики, Дореа на ранних сроках беременности чувствовала себя хорошо. Болезнь по большей части прошла, хотя ей, несомненно, станет лучше, когда она окажется на твердой земле. Они намеревались найти акушерку, чтобы проверить ее как можно скорее, чтобы убедиться, что она и ребенок здоровы.

Через некоторое время Джон взял Дени на палубу и помог ей пройти несколько уроков фехтования Джораха, пока Рыцарь отсутствовал. Это было долгожданным отвлечением, хотя ее разум был далеко и далеко.

Был только полдень, сразу после того, как Титан взревел, когда вернулся Джорах.

Дени только переделалась в чистую тунику и бриджи, когда услышала стук в дверь. Сначала она нахмурилась. Джон знал, что она здесь делает, как и ее служанки.

Придя в презентабельный вид, она открыла дверь и замерла. Джон стоял с сиром Джорахом перед ней.

Она пыталась не питать надежд, но ничего не могла с собой поделать. Ни один из мужчин ничего не сказал в течение нескольких мгновений, и она почувствовала, как поднимается ее редкое раздражение.

"Так?" Дэни взорвался.

Джорах поднял простой металлический ключ. Несколько мгновений она непонимающе смотрела на него. У Рыцаря была широкая улыбка, и Джон ухмыльнулся вместе с ним.

— Ты готова идти домой, принцесса?

Они отплыли на « Прекрасной Морской Деве » к юго-западному острову рано утром, найдя капитана вскоре после возвращения Джораха.

Так как они сдавали помещение в аренду, они выделили небольшой причал для жителей города. Это, безусловно, сокращало расстояние до дома, который изначально находился

недалеко от воды.

Мужчины приступили к разгрузке всего, что у них было, хотя Дени настояла на том, чтобы сама забрать драконьи яйца. После того, как она открыла красную дверь и вошла внутрь впервые почти за восемь лет, она не могла удержаться.

Она отнесла сундук с драконьими яйцами в первую комнату в северной части дома, рядом с лимонным деревом. Дэни судорожно вздохнула и толкнула дверь в комнату — в свою старую комнату.

Она немного отличалась от того, что она помнила, но каркас кровати остался прежним. Скучная мебель была передвинута. Она поклялась, что вернет его в то состояние, в котором она помнила его сегодня.

Дэни поставила сундук с драконьими яйцами на край кровати и подошла к окну, открыв его, чтобы посмотреть на лимонное дерево. Она была сухая — она скоро вернет ее к жизни. Ей хотелось видеть эти листья такими же зелеными и пышными, какими она помнила, хотелось срывать лимоны с дерева, как она делала это, когда была маленькой девочкой.

Она услышала тихие шаги и обернулась. Джон стоял в дверях, наблюдая за ней с мягкой улыбкой.

"Что это?" — спросила Дейенерис.

— Ты просто... — Джон медленно покачал головой. «Ты светишься».

Ее губы приподнялись, а щеки покраснели. "Я?"

— Да, — он медленно вошел в комнату и огляделся. С открытым окном было светло и солнечно.

Дени оторвалась от окна и подошла к двери, слегка прикрыв ее. Она провела пальцами по дереву под ручкой и проследила фигурки животных, которых тайно вырезала там, когда была маленькой.

«Почти точно так, как я это помню», — мягко призналась она. «Некоторые вещи стали нечеткими в моем сознании, но это... каким-то образом все это возвращается ко мне сейчас».

Дэни отвела взгляд от двери к кровати. Она подошла к окну и немного в сторону, где, как она помнила, когда-то была ее спальная комната.

— Прямо здесь, — прошептала она. « Прямо здесь у меня были мои первые Драконьи Сны . Здесь я впервые увидел во сне тебя и Фростфайра».

Она посмотрела на него и моргнула. Когда он подошел к ней?

— Ты дома, Дени, — пробормотал Джон. Его руки поднялись, чтобы обхватить ее щеки — ее глаза слезились, он расплывался.

«Я дома», — плакала она и смеялась, обвивая руками его шею и уткнувшись лицом в его плечо. Джон прижал ее к себе, нежно поцеловал, и мир был более правильным, чем она когда-либо могла вспомнить.